Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

«Мы нежно любим друг друга»

17.11.2026.

Анри Матисс (1869 –1954). Спящая фигура. Модель - Лидия Делекторская. Ницца, 1941 г. Музей Матисса, Ницца Дар наследников художника, 1963 Photo © N. Sikorsky

Помните, летом я рассказывала вам о прекрасной выставке в Музее Матисса в Ницце, которая объединила великого художника Анри Матисса и равновеликого кутюрье Ива Сен-Лорана? В той статье я коснулась отношений Анри Матисса с Лидией Делекторской, уроженкой сибирского Томска, волею судеб оказавшейся во Франции и по объявлению попавшей в дом мастера. А зайдя недавно в маленький англоязычный книжный магазин в Ницце, где я всегда нахожу что-то интересное,

увидела на полке роман англичанки Софи Хейдок «Madame Matisse», вышедший в прошлом году. И поняла, что история получит продолжение.

На пестрой обложке завлекалочка: «Выстрел. Предательство. Три жизни висят на волоске…» Открываю книгу, первая строка: «Мадам Матисс входит в комнату Лидии. В ее кармане – вилка с острыми зубцами». Согласитесь, дело пахнет убийством. А тут еще обнаруживается и чемоданчик Лидии с загадочными инициалами ND, а в нем револьвер. Далее следует ультиматум жены художника: или она, или я. Детективных линий в романе Софи Хейдок хватит на несколько книг. Но я прочитала его как историю о любви, вернее, о нескольких очень разных любовях и как редкую возможность заглянуть за кулисы жизни большого художника не через замочную скважину, а через широко распахнутую дверь.

… После пролога, озаглавленного «Ультиматум», Лидия Делекторская надолго исчезает. Почти до середины книги мы остаемся с Амелией, знакомясь с ней еще до того, как она стала мадам Матисс. По грязным улицам Парижа на исходе XIX века бегают крысы. Все отговаривают ее от брака с начинающим художником без денег и с дочерью от прежней связи. А он умудряется ее удивить. Есть такие женщины, часто умные и сильные, которых только сюрпризом и можно взять. И я хорошо понимаю, что увидела Амелия в этом «странном бледном человеке, родившемся на суровой холодной земле Севера и так нуждающемся в свете» – несокрушимую жизненную силу. Редко встречаешь мужчину с настолько явным даром, что хочется поставить на него собственную жизнь. Анри же, надо отдать ему должное, предупреждает сразу: живопись всегда будет для него на первом месте.

В одном из первых разговоров с женихом Амелия говорит о том, сколько в этом мире держится на труде женщин, сколько им приходится вытерпеть, чтобы другие могли преуспеть, и как мало общество им за это благодарно. Не знаю, какое значение придает этому разговору сама Хейдок, но я услышала в нем одну из главных тем книги. И тем интереснее следить за Амелией, которая так рано и так ясно все это понимает, а потом сама годами помогает мужу пробиться. В романе она закладывает подаренное на свадьбу кольцо, чтобы купить ему «Трех купальщиц» Сезанна за баснословные для нее по тем временам деньги – 500 французских франков. Она верит, что картина, которой он залюбовался в витрине, станет для ее мужа источником вдохновения, и оказывается права.

А как показательна история светской четы Юмбер, «благодетелей» Амелии с их баснословным богатством и пустым сейфом! Когда разражается скандал и отец Амелии, работавший у Юмберов, оказывается в тюрьме, Анри Матисс вспоминает о своем юридическом прошлом и успешно занимается его защитой. Читая, как светские поклонники Юмберов и пресса мгновенно отворачиваются от вчерашних кумиров, легко представить себе такую же реакцию сегодня.

Анри Матисс (1869–1954). *Женщина в шляпе*. 1905 г.
Музей современного искусства Сан-Франциско (SFMOMA). Завещание Элиз С. Хаас, 1991 г.

… Спустя несколько лет Амелия сначала смущенно, а потом уверенно позирует для «Женщины в шляпе», портрета, вокруг которого на Осеннем салоне 1905 года

разгорается скандал. Публика возмущается, критики насмехаются, а американские коллекционеры Лео и Гертруда Стайны покупают картину, предварительно, как водится, поторговавшись: Матисс просит за нее 500 франков – столько же, сколько Амелия заплатила за Сезанна, – но в итоге соглашается на 400. Так Амелия, поддерживавшая мужа в годы безвестности, теперь сама становится лицом его признания. В буквальном смысле. Именно тогда критик Луи Воксель назвал Матисса и его единомышленников «дикими» – *les fauves*, дав имя новому направлению в живописи, фовизму. (Сейчас небольшой шедевр Сезанна, 52 х 55 см, можно увидеть в парижском Пти-Пале. В музейной карточке указано, что в 1936 году картину подарили Анри и Амели Матисс. А «Женщина в шляпе» хранится в собрании Музея современного искусства Сан-Франциско.)

Кстати, по версии Хейдок, именно Стайны знакомят Матисса с русским коллекционером Сергеем Щукиным, который становится одним из самых преданных и смелых покровителей художника, чье искусство продолжает вызывать насмешки и недоумение. Именно для московского особняка Щукина Матисс создает знаменитые панно «Танец» и «Музыка». Так что за полотнами, которыми мы сегодня любуемся в музеях, стоит и эта история доверия человека, сумевшего разглядеть гения.

Анри Матисс (1869–1954). *Голубая обнаженная (Воспоминание о Бискре)*. 1907 гг. Балтиморский художественный музей. Собрание сестер Коун.

Софи Хейдок показывает, как Амелия, убежденная, что женщина должна быть самостоятельной, постепенно обнаруживает, что ее жизнь сведена к исполнению одной роли – роли «жены художника». Она стареет, слабеет, болеет. Амелия тоскует по собственному делу и ревнует к молодым натурщицам, которые появляются вокруг мужа: какая женщина реагировала бы иначе на ее месте? И в этом смысле «Мадам Матисс» – полезное чтение для тех, кто собирается вступить в брак или уже в нем пребывает и переживает трудные времена. Как долго двое могут считать дело одного своим общим делом? И что происходит, когда один из них продолжает жить этим делом, а другой вдруг замечает, что его собственная жизнь проходит мимо?

… Когда Лидия наконец возвращается в роман, мы уже знаем, что значит для Амелии появление этой молодой женщины в ее доме. Теперь Хейдок дает нам возможность увидеть тот же дом глазами Лидии. За ее доброжелательностью, трудолюбием и сибирской смекалкой проступает сиротское детство, рано научившее ее выживать. Томск, революция, Харбин, где русские эмигранты «не могут позволить себе роскошь думать об уважении и достоинстве», мечта стать врачом, как отец, попытка поступить в Сорбонну, на учебу в которой нет денег, а затем и Ницца с ее казино и русской мафией.

В Ницце Матисс поначалу почти ее не замечает, а у нее за плечами уже целая жизнь, о которой он ничего не знает. Забавно читать, как в мастерской художник спрашивает Лидию о положении в России и интересуется ее мнением о сталинских чистках. Согласитесь, легко вообразить тот же разговор сегодня, заменив всего пару фамилий.

Анри Матисс (1869–1954). *Большая лежащая обнаженная (Розовая обнаженная)*. 1935 г.
Балтиморский художественный музей. Собрание сестер Коун.

В трудный момент Анри Матисс предлагает Лидии средства, чтобы открыть чайную – такая у нее скромная мечта, но муж Боря, ненадолго задержавшийся в этой роли, спускает эти деньги за игорным столом. После этого особенно понятно, откуда у Лидии берутся ее трезвые рассуждения о том, как бессмысленно пытаться изменить мужчину. «У него переменчивое настроение, он склонен к депрессии и злоупотребляет спиртным. Конечно, она знала все это еще до замужества, но думала, что под ее спокойным влиянием он станет уравновешеннее». Так Хейдок описывает надежду Лидии изменить мужа.

Больше всего мне понравилось заглядывать в быт Матисса и в его творческий процесс: в романе хватает подробностей, которые заставляют по-новому взглянуть на знакомые полотна. «В конечном счете это будет известно как картина Анри Матисса, а не как портрет женщины по имени Лидия Делекторская. Большинство людей, глядя на нее, едва ли вообще увидят в ней реальную женщину». Так рассуждает Лидия, сомневаясь, позировать ли ей обнаженной для картины, которая войдет в историю живописи под названием «Розовая обнаженная». Написанной в 1935 году работой можно полюбоваться в Балтиморском художественном музее, в собрании сестер Коун. В том же собрании хранится и «Голубая обнаженная (Воспоминание о Бискре)», созданная в 1907 году и вызвавшая скандал на парижском Салоне независимых. Для этой картины позировала Амелия. В романе она просит мужа не афишировать это, но втайне гордится.

Анри Матисс (1869–1954). *Маргарита*. Зима 1906–1907 гг. Национальный музей Пикассо, Париж

Маргарита, дочь художника от прежней связи, которую Амелия взяла в дом и растила как родную, в детстве перенесла экстренную трахеотомию. Хейдок так описывает эту сцену: «Анри плачет. Его дочь – под ножом на кухонном столе, с вдавившимися в локти крошками от завтрака». И в этой почти натюрмортной детали для меня больше страха и нежности, чем в некоторых диалогах, которые у Хейдок звучат порой натянуто, особенно когда герои слишком складно объясняют друг другу, что чувствуют. А нам, зрителям, о той операции напоминает ленточка на шее, которую мы видим на портретах Маргариты, обожавшей позировать отцу.

Были ли правы Амелия и Маргарита, подозревая, что Анри и Лидия стали любовниками? Матисс был старше Лидии почти на сорок с половиной лет. Хейдок оставляет вопрос об их физической близости открытым, все догадки остаются догадками. Меня же занимает другой вопрос. Возможна ли между мужчиной и женщиной с такой разницей в возрасте нежная, платоническая любовь? В книге ответ дает сам Анри Матисс в диалоге с дочерью:

«— Папа, скажи мне наконец правду. Какие у тебя отношения с Лидией?

Она затаивает дыхание, ожидая ответа. Кажется, вот-вот взорвется бомба.

— Мы нежно любим друг друга, — наконец говорит Анри, с большой осторожностью произнося каждое слово.

Ее отец только что сказал «любим»? От этого слова у Маргариты перехватывает дыхание.

— В этом нет ничего дурного, — твердо говорит он. — Два человека, которые уважают друг друга и желают друг другу добра. Почему это непременно должно вызывать такие подозрения и превратные толкования?

— Но есть ли еще что-нибудь, о чем мне следует знать?

— Почему все считают, что любовь обязательно предполагает физическую близость? Или что я злоупотребляю ее доверием? — требовательно спрашивает он. — “Старик Матисс и его прекрасная молодая помощница”, — произносит он с насмешкой. — Я думал, ты поймешь, что любовь может расцветать в самой чистой форме, за пределами желания».

Анри Матисс (1869–1954). *Интерьер в Ницце, мадемуазель Матисс и мадемуазель Даррикаррер*, 1920 г.
Написанная в Ницце в 1920 году, картина изображает Маргариту Матисс и Анриетту Даррикаррер в изысканной обстановке
отеля «Медитеране», где тогда жил художник. © Центр Помпиду, Париж.
С 13 марта 1972 года передана на хранение в музей Аннонсиад, Сен-Тропе. Photo © N. Sikorsky

Не знаю, убедил ли он Маргариту, но Амелия в конце концов признала его любовь к Лидии и ушла от мужа, несмотря на то что после поставленного ею ультиматума он выбрал ее. В разговоре с приемной дочерью она признается: «— Когда я поставила твоему отцу ультиматум, я увидела, как он разрывается. Думаю, тогда я наконец поняла, что он любит Лидию самой чистой любовью. Возможно, я никогда не узнаю наверняка, было ли между ними что-то большее, — говорит она. — Но было ясно, как мучительна для него мысль о разлуке с ней. Со мной его связывают чувство долга и верность. Но именно тогда я поняла, что между нами больше не осталось ни капли любви».

Много ли вы знаете женщин, способных уступить свое место другой?

Главным героем романа остается сам Матисс, которого мы узнаем через отношения с женщинами, их любовь, надежды, обиды и жертвы. При этом все три женских персонажа выписаны в книге с большим уважением, которого каждая из них безусловно заслуживает. Думаю, не все знают, что Амелия, Маргарита и ее брат Жан активно участвовали в движении Сопротивления, рискуя жизнью. Амелию и Маргариту арестовали, а Маргарита чудом не попала в концлагерь. Рискует жизнью и Лидия, русская беженка в оккупированной Франции, ухаживающая за Матиссом после перенесенной им в 1941 году тяжелейшей операции. В этой части романа вопрос, который задает себе Матисс, «Стоит ли умирать ради искусства?», звучит совсем иначе, чем в годы, когда он только добивался признания.

Так кто же здесь мадам Матисс? Амелия, которая добилась раздельного проживания, осталась его законной женой и стала его вдовой? Маргарита, его дочь, сохранившая фамилию отца в своем двойном имени Дютюи-Матисс? Лидия, последняя помощница и муза, которой он по требованию жены отказывает от дома и о которой после этого говорит: «Мы нежно любим друг друга»? Каждая по-своему примеряет к себе это звание, и каждая по-своему принесла себя ему в жертву. А слова «Мы нежно любим друг друга» можно отнести к каждой из трех героинь, ведь каждую Матисс в разные периоды своей жизни действительно любил по-своему, искренне и нежно.

Анри Матисс (1869–1954). *Портрет Лидии Николаевны Делекторской*. 1947. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Дар Л. Н. Делекторской, 1967.

… В финале романа Матисс умирает на руках у Лидии и Маргариты. Лидию даже не приглашают на похороны. Она и сама понимает, что ей там нет места, берет свой чемоданчик и уходит. «“До свидания, Лидия Делекторская”, — говорит Маргарита, подходя к двери, чтобы проводить ее. Она невольно надеется, что имя Лидии забудут, что всякая связь между Лидией и ее семьей сотрется. Но, нравится ей это или нет, она понимает, что наследие Лидии будет жить, вплетенное в самую ткань величайших творений ее отца».

Роман Софи Хейдок словно подтверждает это поздно пришедшее понимание. Лидия Делекторская пережила Матисса на сорок с лишним лет и посвятила эти годы сохранению его наследия. В 1998 году она покончила с собой. Но продолжает жить на многочисленных полотнах Анри Матисса, а теперь еще и на страницах этой книги.

Анри Матисс
Лидия Делекторская
музей Матисса в Ницце
Амелия Матисс
Маргарита Матисс

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/madam-matiss-sofi-heydok-lidiya-delektorskaya*